

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Я. И. Гилинский

КРИМИНОЛОГИЯ

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА,
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Яков Ги́линский

**Криминология. Теория,
история, эмпирическая
база, социальный контроль**

«Юридический центр»

2009

Гилинский Я. И.

Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гилинский — «Юридический центр», 2009 — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса)

Предлагаемая вашему вниманию книга – второе, переработанное и дополненное издание монографии известного ученого-криминолога, которое может служить учебником криминологии для студентов и аспирантов. Первое издание вышло в 2002 г. и давно стало «библиографической редкостью». Автор излагает кроме общепринятых свои собственные представления о науке криминологии, преступности, ее видах, а также о реакции общества и государства на преступность. Может быть рекомендована студентам, аспирантам, преподавателям криминологии, а также всем, кто интересуется проблемой «преступления и наказания». 2-е издание, переработанное и дополненное.

ББК 67.51

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
Введение	7
Часть I	9
Глава 1	9
§ 1. Понятие и предмет криминологии	9
§ 2. Криминология в системе наук	10
§ 3. Структура криминологических знаний	13
§ 4. Методология криминологии	14
§ 5. Эмпирические криминологические исследования	18
Глава 2	22
§ 1. Понятие преступности	22
§ 2. Основные характеристики (показатели) преступности	29
§ 3. Латентная преступность	33
Глава 3	36
§ 1. Основные мировые тенденции преступности	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Яков Гилинский
Криминология. Теория, история,
эмпирическая база, социальный контроль

© Я. И. Гилинский, 2009

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009

Предисловие ко второму изданию

Первое издание моей «Криминологии» было опубликовано Издательским домом «Питер» в 2002 г. С тех пор тираж был давно распродан, приводимые в книге статистические тренды ограничивались 1999 г., а в отечественной и мировой литературе за годы, прошедшие с первого издания, появилось немало новых интересных трудов. Этим объясняется подготовка второго – существенно дополненного издания. Помимо продления трендов преступности до 2006 г., расширено содержание многих глав и параграфов, особенно относящихся к части III книги («Криминологический анализ некоторых видов преступлений»), значительно увеличен объем использованной и рекомендуемой литературы.

Я выражаю искреннюю благодарность как Издательству «Питер», осуществившему первое издание «Криминологии», так и, конечно же, Санкт-Петербургскому Издательству Р. Асламова «Юридический центр Пресс», взявшему на себя труд подготовить второе издание книги.

Введение

Каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос.

Н. Бор

Предлагаемое читателю произведение относится к смешанному жанру: с одной стороны, это – монография, в которой автор пытается изложить собственные представления как о науке криминологии, так и о ее предмете; с другой стороны – это учебник, предназначенный в первую очередь для студентов и аспирантов, изучающих (и развивающих) криминологию. Иногда подобное смешение жанров называют «авторским курсом».

Важнее, чем определение жанра, некоторые исходные предпосылки («импульсы») создания этого труда.

- Во второй половине XX столетия тема преступности, всегда небезразличная для обществоведов и населения, начинает превалировать в общественном сознании. Объясняется это реальным ростом преступности (точнее, зарегистрированной ее части) во всем мире или же «страхом перед преступностью» и «моральной паникой», нагнетаемыми mass-media (средствами массовой информации) и популистскими политиками¹ – не столь уж существенно. Этот общемировой процесс в силу ряда исторических причин особенно ярко проявился в современной России. Телевизионные передачи, кинофильмы, газетные сообщения, бытовые разговоры во всем мире заполнены преступлениями, вращаются вокруг преступлений. Проблема образно сформулирована современными зарубежными авторами: «Преступления возбуждают, захватывают (exciting), а что же криминология?»²

- Мировой и отечественной криминологией накоплен огромный теоретический и эмпирический материал, характеризующий преступность, отдельные ее виды, преступление, преступника, жертву преступления, а также социальную реакцию на преступность. Между тем, чем больше мы узнаем о преступности, тем меньше ее знаем и понимаем... Распространенным является мнение о «кризисе криминологии», о значительной мифологизации темы преступности и контроля над ней.³

- Фактический запрет на существование в годы советского тоталитаризма, а затем и длительная изоляция «реабилитированной» в годы хрущевской «оттепели» отечественной криминологии вырвали ее, наряду с другими социальными науками, из мирового научного сообщества, а вынужденная идеологизация скомпрометировала даже реальные достижения. Возврат в мировое сообщество – путь не легкий, но совершенно необходимый для любой науки.

- Как показывает мировой и отечественный опыт, уголовная политика, средства и методы социального контроля над преступностью, пенитенциарная политика и практика существенно зависят от криминологических воззрений, распространенных в обществе и разделяемых властными структурами. Отсюда – практическая значимость криминологии. К сожалению, мировая и особенно отечественная практика свидетельствуют о неадекватности традиционных форм и средств социального контроля над преступностью ее генезису и природе. Все явственнее ощущается «кризис наказания» (Т. Mathiesen, N. Christie, L. Hulsman и др.).⁴

¹ Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans, 1973.

² Peelo M., Soothill K. (Eds.) Questioning Crime and Criminology. Willan Publishing, 2005. P. IX (здесь и далее перевод автора, если не оговорено иное. – Я. Г.).

³ Pepinsky H., Jesilov P. Myths that Cause Crime. Seven Locks Press, 1984; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing Co., 1990.

⁴ Mathiesen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo/London, 1974; Christie N. Limits to Pain. Oxford, 1981 (рус. пер.: Крестни Н. Пределы наказания. М., 1985); Christie N. A Suitable Amount

Все это, наряду с личными научными амбициями, подвигло автора на создание лежащего перед читателем труда.

Несколько замечаний, необходимых для лучшего понимания того, *что* содержится в книге.

- Цитата из Н. Бора, приводимая в эпиграфе, имеет для меня принципиальное значение. *Есть много истин, но нет Истины*. Никто не может претендовать на «единственно верную» теорию, концепцию.⁵

- Развитие науки во второй половине XX в. продемонстрировало неизбежную *полюконцептуальность* во всех областях знаний, и прежде всего – в общественных науках. Соответственно, мной излагаются мои личные взгляды и представления по рассматриваемым проблемам криминологии. Разумеется, сами эти взгляды и представления родились и развивались под воздействием трудов предшественников и коллег, но ни те, ни другие не ответственны за результат, возникший в моей голове.

- Ни в одном труде невозможно рассмотреть всю криминологическую тематику. Отбор тем отражает обычно личные пристрастия автора. Не представляет исключения и эта книга. Я постарался остановиться на наиболее сложных и дискуссионных проблемах криминологии, собрать и проанализировать эмпирические (прежде всего – статистические) данные по различным видам преступности в России и в мире, познакомить читателя с некоторыми современными зарубежными авторами, а также уделил повышенное внимание проблемам социального контроля над преступностью, поскольку это непосредственно затрагивает вечный для соотечественников вопрос «что делать?». В меньшей степени освещена история криминологии, поскольку эта тема традиционна для отечественных и особенно зарубежных курсов криминологии, а потому более доступна. Насколько удачны выбор тем и их раскрытие – судить читателю.

Наконец, пользуюсь случаем принести искреннюю благодарность моим друзьям и коллегам, деловое общение и полемика с которыми способствовали как выработке моих криминологических взглядов, так и созданию этой книги. Мою искреннюю признательность заслуживает коллектив Max-Planck-Institut fur auslandisches und internationales Strafrecht (Фрайбург, Германия), благодаря которому я в течение ряда лет имел прекрасную возможность работать в библиотеке этого института – одной из лучших в мире по уголовно-правовой и криминологической тематике. Более того, ряду последних дополнений к настоящему изданию способствовала предоставленная мне директором Max-Planck-Institut профессором Х.-Й. Альбрехтом возможность поработать в библиотеке в 2006 г. Не могу также не выразить глубокую благодарность моему ближайшему помощнику, другу и доброжелательному критику – Наталии Проскурниной, чья поддержка в течение многих лет обеспечивает мою профессиональную деятельность. Ей же я обязан тщательному оформлению библиографии к первому и второму изданию книги.

of Crime. NY. – L., 2004 (рус. пер.: *Кристи Н.* Приемлемое количество преступлений. СПб., 2006).

⁵ *Полани М.* Личностное знание. М., 1985; *Тулмин Ст.* Человеческое понимание. М., 1984; *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986; *Холтон Дж.* Тематический анализ науки. М., 1981; *Milovanovic D.* Postmodern Criminology. NY – L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

Часть I

Теория и методология

Глава 1

Криминология как наука

There are many criminologies and many criminologists.⁶
R. Michalovskij

§ 1. Понятие и предмет криминологии

Криминология (лат. *crimen* – преступление, греч. *Χοιρος*, – учение) в буквальном переводе – наука о *преступлении*. Однако с самого зарождения она интересовалась преимущественно *преступностью* как сложным социальным явлением.

Возникновение и развитие криминологии связывают обычно с тремя именами и датами: в 1761 г. вышла книга Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в которой содержались многие взгляды и положения относительно природы преступности и социального контроля над ней, хотя само слово «криминология» тогда еще не употреблялось. Этот термин был введен в научный оборот антропологом Топинаром в 1879 г. А уже в 1885 г. вышла книга Р. Гарофало под названием «Криминология». Разумеется, привязка возникновения той или иной науки, научного направления к конкретным датам и именам достаточно условна. Отдельные идеи и рассуждения по поводу преступлений, преступности, наказания встречаются у мыслителей Древней Греции, Рима, Древнего Китая, Индии, европейского Средневековья и т. д.

Однако более или менее систематическое, профессиональное изучение преступности и связанных с ней объектов началось, очевидно, в XIX в. Во всяком случае, *позитивное* исследование криминологических проблем, основанное на применении методов естественных наук (измерение, эксперимент, наблюдение, статистический анализ и др.) относится именно к этому периоду (доклад российского академика К. Германа 17 декабря 1823 г. на заседании Российской Императорской Академии наук «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819–1820 гг.», доклад А. Кетле 9 июля 1831 г. на заседании Бельгийской Королевской академии наук, работа Ч. Ломброзо «О преступном человеке», 1871–1876 гг. и др.).

По мере развития криминологических знаний складывался круг «подведомственных» криминологии проблем, ее *предмет*. Сегодня предметом криминологии служат:

- *преступность* как сложный социальный феномен;
- *генезис* («причины») преступности;
- *преступление* как индивидуальный поведенческий акт;
- *механизм* индивидуального *преступного поведения* (преступления);
- *отдельные виды преступности*, выделяемые по содержательному (преступность насильственная, корыстная, экономическая, связанная с наркотиками и т. п.) или иному критерию (например, по социально-демографическим характеристикам субъектов преступлений: преступность женщин, несовершеннолетних, должностных лиц);
- *личность* преступника;

⁶ Есть много криминологий и много криминологов (здесь и далее перевод автора, если не оговорено иное. – Я. Г.).

- *жертва преступлений*; изучается относительно самостоятельным направлением (подотраслью) криминологии – *виктимологией* (лат. victim – жертва);
- социальная реакция на преступность, *социальный контроль* над ней, включая *наказание* (отсюда становление и развитие еще одной подотрасли – криминологии наказания, пенитенциарной криминологии) и *превенцию* (профилактику, предупреждение преступлений);
- *история* криминологии и история преступности;
- *методология* криминологии и *методика* криминологических исследований.

Приведенный перечень тем, входящих в предмет криминологии, не является исчерпывающим и может быть расширен, исходя из личных пристрастий исследователя или же в процессе развития криминологии как науки.

Криминология является «неприятной» наукой для властей и политиков, поскольку пытается вскрыть пороки действующей экономической, социальной, политической системы, порождающие преступность и сопутствующие ей пьянство, наркотизм, коррупцию, подростковую делинквентность и т. п. Неслучайно тоталитарные режимы не допускали существования и развития независимой криминологической науки.

Нередки споры о характере криминологических знаний о том, к каким отраслям естественных или социальных наук относится криминология. Ответ на этот вопрос в значительной степени зависит от принадлежности криминолога к одному из трех основных направлений: биологическому (антропологическому), психологическому или же социологическому. Исторически, «по происхождению» криминология связана либо с биологией или антропологией («клиническая криминология»), либо с психологией (и тогда это «поведенческая наука») или же с социальными науками – социологией (криминология как «социология преступности») и юриспруденцией (криминология как юридическая или социально-правовая наука). Развитие того или иного направления характерно для различных стран. Так, в Германии основательно развивались клиническая криминология и социология преступности. В США господствует социологический взгляд на преступность и активно развивается криминология как социология преступности. И преподают криминологию на социологических факультетах. В России криминология выросла из уголовно-правовой науки, и здесь до сих пор преобладает взгляд на преступность как социально-правовое явление.⁷ Соответственно, криминология преподается в основном на юридических факультетах. Автор этих строк придерживается понимания криминологии как социологической науки (другое дело, что правовой элемент играет существенную роль в определении самой преступности, но об этом – ниже).

Иногда возникает дискуссия на тему: теоретическая или прикладная наука криминология? Мне этот спор не представляется плодотворным. Если наука не теоретическая, то это не наука (а, скажем, ремесло). Прикладной же аспект имеют если не все, то большинство наук. Тем не менее, можно согласиться с теми авторами, которые рассматривают криминологию прежде всего как *теоретическую* науку о преступности.⁸

§ 2. Криминология в системе наук

Для сторонников социологического направления, к которым принадлежит и автор, криминология – *социологическая* наука, поскольку ее главный предмет – преступность – является социальным феноменом, порождением общества, его частью, неотъемлемой составляющей. Преступность, наряду с наркотизмом, пьянством, проституцией, коррупцией и другими нежелательными для общества явлениями, относится к так называемым социальным *девиациям*

⁷ Криминология / Ред. В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов. М., 1997. С. 22; Хохряков Г. Ф. Криминология. М., 1999. С. 29.

⁸ Криминология / Ред. В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов. С. 16.

(отклонениям), а преступление – это разновидность *девиантного* (отклоняющегося) поведения.

С нашей точки зрения, социальные девиации, *девиантность* (*deviance*) можно определить как социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям. А *девиантное поведение* (*deviant behavior*) – поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.

Все виды *негативных* социальных девиаций, а также социальное творчество (научное, техническое, художественное и др.) как *позитивная* девиантность служат предметом социологии девиантности и социального контроля (девиантологии).⁹ Преступность – лишь одно из проявлений *девиантности*. Рассмотрение преступности как разновидности социальных девиаций – общее место в современной зарубежной криминологии; разделяют данную позицию и некоторые отечественные криминологи.¹⁰ Во избежание недоразумений следует подчеркнуть: социология девиантности (девиантология) не подменяет криминологию и не заменяет ее. У каждой из этих наук – свой предмет, и та, и другая – социальные, «социологические» науки. Социология девиантности и социального контроля, наряду с преступностью, изучает многочисленные виды «негативных» девиаций – пьянство и алкоголизм, наркотизм, проституцию, самоубийства, аморализм и др., «позитивные» девиации – различные виды творчества, а также взаимосвязи между видами девиантности, их общий генезис, общую теорию социального контроля.

Таким образом, с нашей точки зрения, выстраивается следующая иерархия наук: *социология – социология девиантности и социального контроля (девиантология) – криминология (а также суицидология, аддиктология и другие науки, изучающие иные – кроме преступности – проявления девиантности)*.

Это не исключает взаимосвязи криминологии со многими другими науками и научными направлениями. Конечно, криминология теснейшим образом связана с науками *криминального* цикла: уголовным правом (которое, как мы увидим ниже, определяет круг того, что входит в предмет криминологии), уголовным процессом и уголовно-исполнительным правом (особенно в части криминологии наказания). Я думаю, что криминология служит своего рода *базой* для них, поскольку призвана объяснить природу преступлений и преступности, их обусловленность определенными факторами, охарактеризовать субъектов индивидуального преступного поведения (преступлений) и вскрыть его механизм, показать оптимальные пути и методы социального контроля над преступностью.

Бесспорна связь криминологии с *психологией*, поскольку в причинный комплекс (механизм) преступления как индивидуального поведенческого акта входят психологические составляющие: интеллект, воля, эмоциональная сфера, характерологические особенности, психопатология лиц, совершивших преступления. В связи с ролью психических отклонений в механизме некоторых криминологически значимых деяний, криминология нередко прибегает к помощи *психиатрии*.

⁹ См.: Гишинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб., 2007; Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Ред. Я. Гишинский. СПб., 2000; Hagan J. Introduction to Criminology: Theories, Methods, and Criminal Behavior. Nelson-Hall, 1986. P. 6; Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998. P. 8, 22; Siegel L. Criminology. 4th ed. West Publishing Co., 1992. P. 8; Walters R. Deviant Knowledge. Criminology, politics and policy. Willan Publishing, 2003.

¹⁰ Muncie E., Mc Laughlin (Eds.) The Problem of Crime. SAGE Publications, 1996. P. 12; Schmalleger F. Criminology Today. New Jersey, 1996. P.8; Tierney J. Criminology: Theory and Context. Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996; Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998. P. 22; Lanier M., Henry S. Op. cit. P. 8, 22; Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NY, 2004; Хохряков Ф. Ф. Криминология. С. 82.

Достижения современной *биологии* (прежде всего генетики) способны пролить свет на некоторые индивидуальные особенности субъектов преступления.

Традиционно (начиная с К. Маркса, В. Бонгера и др.) социологическое направление в криминологии включает изучение *экономической* составляющей генезиса преступности. В настоящее время экономический подход к предмету криминологии активно развивается «экономической теорией преступности», начиная с работ лауреата Нобелевской премии Г. Беккера.¹¹

Не менее традиционно обращение к *демографическим* характеристикам субъектов преступлений. В современной англоязычной литературе тендер (пол), возраст, раса, класс – постоянный предмет криминологических исследований.¹²

Криминология все больше тяготеет к *культурологии*, поскольку преступность – элемент культуры, равно как криминальная, делинквентная, тюремная субкультуры, о чем еще будет говориться. Неудивительно, что в зарубежной криминологии зарождается новое направление – «культуральная криминология».¹³

Как ни странно это может показаться на первый взгляд, криминология сотрудничает с *географией*. Более того, можно говорить о *географии преступности* как относительно самостоятельном направлении в криминологии (ее подотрасли), активно развиваемом отечественными специалистами еще со времен СССР.¹⁴ Территориальное распространение преступности представляет не только практический (для оптимизации дислокации сил полиции, профилактики преступлений и т. п.), но и теоретический интерес, поскольку позволяет лучше понять влияние различных факторов, включая географические, на состояние и динамику преступности.

Не менее удивительна связь криминологических знаний с... *архитектурой*. Как показывают исследования, начиная с работ Чикагской школы, уровень и структура преступности зависят от экологии города, типа застройки, организации пространственной застройки, этажности жилых зданий (в США «особенно подвержены преступности жилые башни выше семи этажей... Дома выше семи этажей в четыре раза чаще подвергаются разбойным нападениям и ограблениям, чем дома с шестью и меньше этажами»¹⁵) и т. п.

При изучении преступности активно используются данные *статистики*, как уголовной, так и экономической, демографической, медицинской. А при обработке статистической информации и результатов иных эмпирических криминологических исследований (например, опросов) широко применяются современные *математические* методы.¹⁶

Пожалуй, можно было бы продолжить перечень наук и дисциплин, сопряженных с криминологией. Но и сказанного достаточно, чтобы продемонстрировать мультидисциплинарный характер криминологических знаний и исследовательского поля. Интегративные тенденции современной криминологии (подробнее об этом будет говориться в гл. 5) лишний раз свиде-

¹¹ Подробнее см.: *Калягин Н. В.* Экономический анализ криминального поведения // Экономическая школа. Аналитическое приложение – 3. СПб., 2006. С. 91–124; Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности / Ред. Л. Тимофеев и Ю. Латов. М., 1999.

¹² *Forst B. (Ed.).* The Socio-Economics of Crime and Justice. M. E. Sharpe, Inc. 1993; *Hagan J.* Structural Criminology. NJ, 1989; *Hester S., Eglin P.* A Sociology of Crime. NY – L.: Routledge, 1992; *Messerschmidt J.* Crime as Structured Action: Gender, Race, Class, and Crime in the Making. SAGE, Inc. 1997; *White R., Habibis D.* Crime and Society. Oxford University Press, 2005.

¹³ *Ferrell J., Sanders C.* Cultural Criminology. Boston, 1995.

¹⁴ *Табиани А. А., Гачечиладзе Р. Г.* Некоторые вопросы география преступности (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1982; *Лепс А., Павельсон М., Раска Э., Бицапу Э.* Социально-территориальные различия и преступность в условиях крупного города (на материалах г. Таллинна). Таллинн, 1981; *Ростов К. Т.* Преступность в регионах России (социально-криминологический анализ). СПб., 1998; *Юзиханова Э. Г.* Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005.

¹⁵ *Шнайдер Г. Й.* Криминология. М., 1994. С. 219; *Schneider H. J.* Kriminologie. Berlin-New York, 1987. S. 327–358.

¹⁶ *Ольков С. Г.* Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006.

тельствуют о значении кооперации наук и научных дисциплин в исследовании и объяснении феномена преступности, о междисциплинарном характере криминологии.¹⁷

§ 3. Структура криминологических знаний

Структура криминологии как науки не есть что-то раз и навсегда заданное. Построение, структуризация криминологических знаний в значительной степени зависит от пристрастий криминолога.

«Джентльменский набор» отечественных и зарубежных учебников и курсов криминологии образует, как правило, совокупность разделов, отражающих все основные составляющие (элементы) предмета криминологии.

Между тем в отечественной криминологии принято выделять Общую и Особенную части. *Общая часть* включает все теоретические проблемы криминологии, а также ее историю. *Особенная часть* посвящается криминологическому анализу отдельных видов преступлений и их профилактике. Думается, что такое деление явилось следствием генетических – уголовно-правовых – корней нашей криминологии. Неудивительно, что ни зарубежная криминология, ни отечественные работы последних лет¹⁸ не знают разделения на общую и особенную части.

Зато все большую распространенность приобретает выделение *частных* криминологических теорий (дисциплин), сформировавшихся в процессе исторического развития криминологии: виктимологии, пенитенциарной криминологии, географии преступности, семейной криминологии, криминологии политической преступности и др.

Оригинальная концепция структуры криминологии, включая частные криминологические теории, представлена в трудах Д. А. Шестакова, обосновывающего наличие «преступных подсистем» и соответствующих им частных криминологий.¹⁹

Виктимология. Признанным родоначальником виктимологии – науки о жертве – считается Г. фон Гентиг, выпустивший в 1948 г. книгу «Преступник и его жертва».²⁰ Еще раньше (1941 г.) появилась его работа «Замечания по взаимодействию преступника и жертвы». Практически одновременно с Гентигом виктимологическую тематику разрабатывает Б. Мендельсон, представивший в марте 1947 г. на международном конгрессе психиатров в Бухаресте доклад «Новые биопсихосоциальные горизонты: виктимология». В числе известных зарубежных виктимологов следует назвать Г. Элленбергера, Г. Шнайдера, С. Шафера, Э. Фаттаха, Э. Виано, К. Миядзаву и др.²¹ С 1979 г. существует Международное виктимологическое общество (the World Society of Victimology). Под его эгидой проводятся Международные виктимологические симпозиумы.

Отечественная виктимология зарождается в середине 60-х гг. «Отцом» ее заслуженно считается Л. В. Франк.²² Известными виктимологами являются П. С. Дагель, В. Е. Квашиш, В. И. Полубинский, В. Д. Ривман, В. Я. Рыбальская и др.²³

¹⁷ Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998. P. 7, 298.

¹⁸ См., например: Хохряков Г. А. Криминология; Криминология: Учебник / Ред. Г. Касторский. СПб., 2007.

¹⁹ Шестаков Д. А. Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб., 2006. С. 28–32, 98–102; Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д. А. Шестаков. СПб., 2003; Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб., 2007.

²⁰ Von Hentig H. The Criminal and his Victim. Studies in the Sociology of Crime. New Haven, CT, 1948.

²¹ См., например: Fattah E. Towards a Critical Victimology. Macmillan Press, 1992; Viano E. (Ed.) Crime and its Victims: International Research and Public Policy Issues. Hemisphere Publishing Co, 1989; Van Dijk J., van Kaam R., Wemmers J.-A. (Eds.) Caring for Crime Victims: Selected Proceedings of the Ninth International Symposium on Victimology. Criminal Justice Press, Monsey, NY, 1999; Sgarzi J., McDevitt J. (Eds.) Victimology: A Study of Crime Victims and Their Roles. NJ: Prentice Hall, 2003; Irk F. (Ed.) Victims and Opinions. Vol. 1, 2. Budapest, OKRI, 2004.

²² Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972; Он же. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.

Пенитенциарная криминология. Предмет пенитенциарной криминологии по-разному понимается различными авторами. Некоторые из них ограничивают это направление изучением преступлений, совершенных в пенитенциарных учреждениях. С нашей точки зрения, пенитенциарная криминология есть «социология наказания» и включает знания о *реальном* отбывании наказания, прежде всего в виде лишения свободы: об условиях отбывания наказания, контингенте отбывающих наказание (заключенных), о взаимоотношениях между ними, а также между ними и персоналом пенитенциарных учреждений, о быте, традициях, нормах поведения, досуге, сленге заключенных, о преступлениях, совершаемых отбывающими наказание, и т. п.

Российская криминология богата исследованиями такого рода. Прежде всего следует назвать труды М. Н. Гернета (1874–1953), начиная с его книги «В тюрьме: очерки тюремной психологии» (1930) и заканчивая пятитомной «Историей царской тюрьмы» (1941–1948, 1960–1963). В настоящее время пенитенциарной криминологии посвящены работы И. А. Стручкова, В. Е. Квашица, А. С. Михлина, В. Ф. Пирожкова, О. В. Старкова, Г. Ф. Хохрякова, И. В. Шмарова и др.²⁴

География преступности. О ней кратко уже говорилось выше. Подробнее мы неоднократно будем сталкиваться с этой темой в дальнейшем изложении.

Семейная криминология зарождается в 70-е гг. ушедшего XX столетия. Очевидно, стимулом для ее развития послужили поражающие факты множественных проявлений насилия в семье, между родственниками и супругами – от вербального до физических истязаний и убийств. Во всяком случае, эта частная криминологическая теория активно развивается в России (прежде всего, благодаря трудам Д. А. Шестакова) и за рубежом.²⁵

В самое последнее время появился ряд трудов, закладывающих основы криминологии *политической преступности* (П. А. Кабанов, В. В. Лунеев, Д. А. Шестаков).²⁶

Формируется *экономическая криминология* (Б. В. Волженкин, В. В. Колесников, А. М. Яковлев и др.).

Конфликтность, а то и криминогенность межконфессиональных отношений в современном мире и в России порождает труды по *криминотеологии* (Е. В. Касторская, Г. Л. Касторский, О. В. Старков).²⁷

Объективности ради следует заметить, что далеко не все криминологи позитивно оценивают такое «размножение» частных криминологических теорий. Очевидно, лишь будущее развитие покажет жизнеспособность некоторых из них.

§ 4. Методология криминологии

Само понятие *методологии* (греч. μέθοδος – верный путь, путь исследования) неоднозначно понимается в науке.

²³ Подробнее см.: *Квашиц В. Е.* Основы виктимологии. М., 1999; *Ривман Д. В., Устинов В. С.* Виктимология. СПб., 2000; *Gilinskiy Y., Ivanov L.* Victimology in the USSR: Theoretical Approach and Empirical Research // Kaiser G., Kury H., Albrecht H.-J. (Eds.) Victims and Criminal Justice. Freiburg in Br.: Max Planck Institute, 1991. P. 157–178.

²⁴ *Анисимков В. М.* Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб., 2003; *Михлин А. С.* Общая характеристика осужденных. М., 1991; *Пирожков В. Ф.* Законы преступного мира молодежи: Криминальная субкультура. Тверь, 1994; *Хохряков Г. Ф.* Парадоксы тюрьмы. М., 1991; и др.

²⁵ *Шестаков Д. А.* Семейная криминология. СПб., 1996; *Он же.* Семейная криминология (криминофамилистика). СПб., 2003; *Gondolf E.* Psychiatry Response to Family Violence. D. C Toronto, 1991; *Wallace H.* Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives. Allyn & Bacon, 1996.

²⁶ *Кабанов П. А.* Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000; *Он же.* Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань, 2006.

²⁷ *Касторский Г. Л.* Мировые религии и преступность. СПб., 2001; *Он же.* Мировые религии и общественно опасное поведение. СПб., 2002; *Бажан Т. А., Старков О. В.* Религиоведение для юристов. СПб., 2007.

В самом широком смысле слова методология – это теория человеческой деятельности, «это деятельность познания, мышления или, если говорить точнее, вся деятельность человечества, включая сюда не только собственно познание, но и производство. Можно сказать, что методология... есть теория человеческой деятельности».²⁸ В самом узком смысле слова под методологией понимается совокупность методов, приемов, процедур научного исследования.²⁹ Именно такое отношение к методологии преобладает, например, в американской (вообще англоязычной) литературе.

Своеобразным компромиссом между очень широким и очень узким пониманием *методологии как пути познания* является многоуровневый подход, когда различаются:

- самые общие методы научного познания – анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному и др. (философская методология);
- общие для многих наук междисциплинарные методы познания – системный и организационный анализ, кибернетический, синергетический подходы и др. (общенаучная методология);
- теория и методы конкретной науки, области знания;
- методика, совокупность операций и процедур, применяемых в конкретных исследованиях.

Не углубляясь в дискуссию о понятии и предмете методологии, отметим некоторые принципы научного познания, существенные, с нашей точки зрения, для лучшего понимания предмета криминологии как социальной науки. Поскольку по каждому из рассматриваемых ниже принципов имеются полярные суждения, напомним, что излагается наша личная точка зрения, зачастую не самая распространенная.³⁰

• *Принцип универсальности законов мироздания* (универсальный эволюционизм, по Н. Моисееву).

Развитие науки в целом характеризуется единством противоположных тенденций – дифференциации и интеграции научных знаний. Ведущими на современном этапе являются интеграционные процессы. Складывающаяся в процессе интеграции научных дисциплин и направлений «инфранаука» (Н. Н. Моисеев), или «меганаука» (Б. Г. Кузнецов), исходит из необходимости объединения исследований неживой и живой природы и общества, изучения их с точки зрения универсальных законов мироздания. При этом основные закономерности социального бытия (включая преступность как социальный феномен) предстают как *инобытие* всеобщих закономерностей самодвижения (самоорганизации) материи, мира, мироздания, как *модификация, доразвитие* их фундаментальных свойств (Э. С. Маркарян, Е. Х. Нерсесова). Ибо «сама Земля и все, что на ней происходило вчера и будет происходить завтра, суть частные проявления единого, общего процесса саморазвития (самоорганизации) материи, подчиняющегося единой системе законов (правил), действующих в Универсуме».³¹ Для криминолога этот принцип означает необходимость отказаться от представлений об уникальности преступности и ее закономерностей, посмотреть на свой предмет с более широких позиций, преодолеть антропоцентризм и аксиологизм (ценностный подход к предмету исследования).³²

• *Принцип универсальности общенаучных методов познания действительности*. Исходя из принципа универсальности законов мироздания, можно предположить универсальность общенаучных методов познания действительности (включая преступность).

²⁸ Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964. С. 6.

²⁹ См., например: Попов Г. Х. Проблемы теории управления. М., 1970. С. 5–6.

³⁰ Подробнее см.: Гилинский Я. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1988. С. 102–110.

³¹ Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 86.

³² Прекрасной иллюстрацией этого положения служит упоминавшаяся монография Christie N. A Suitable Amount of Crime.

Это означает для нас возможность применения в криминологии не только системного и организационного анализа,³³ но и синергетики, теории хаоса, теории катастроф, понятия бифуркации, следствий второго закона термодинамики с понятиями энтропии и негэнтропии и иных современных общенаучных концепций. Это осознается отечественными учеными (так, синергетическая модель детерминации преступления предлагается В. А. Бачининым³⁴) и зарубежными, прежде всего – представителями постмодернизма в криминологии.³⁵

• *Принцип относительности знаний (релятивизм)*. Всякое знание о любом предмете действительности – относительно, неполно, ограничено.

Никогда нельзя достичь «полного и окончательного» знания об исследуемом объекте. Это связано, прежде всего, с тем, что все объекты действительности находятся в постоянном изменении. И «фактически нет ни предложений, ни слов со значениями, которые были бы независимы от обстоятельств произнесения». ³⁶ Кроме того, возможности человеческого познания всегда ограничены имеющимися на каждый данный момент времени средствами. Представители естественных наук в процессе познания так или иначе взаимодействуют с объектом и «нарушают» условия его существования (проблема: субъект – прибор – объект). Представители социальных наук «встроены» в изучаемый объект (общество, его сферы и сегменты), подвержены влиянию с его стороны. Марксово «нельзя жить в обществе и быть независимым от него», увы, факт. Сказанное – не призыв к отказу от познания действительности (включая преступность), а предостережение от абсолютизации достигнутых знаний. «Следует признать, что в каждый момент времени наши научные теории зависят не только от экспериментов и т. п., проведенных к этому моменту, но также от предпосылок, которые мы принимаем без доказательств, т. е. принимаем, не осознавая их... Научные результаты «относительны»... лишь постольку, поскольку они являются результатами определенной стадии научного развития и подлежат смещению в ходе научного прогресса». ³⁷

• *Принцип дополнительности* (Н. Бор). Вышеизложенное плюс необычайная сложность даже самых «простых» («элементарных») объектов приводит к тому, что Н. Бором сформулировано как принцип дополнительности – *contraria sunt complementa* (противоположности дополняют друг друга): лишь противоречивые, взаимоисключающие концепции в совокупности могут достаточно полно описать изучаемый объект.

Иными словами, не «преодоление» противоречивых суждений об объекте, а их взаимодополнительность. Хотя принцип дополнительности был сформулирован применительно к физическому явлению – двойственной природе света (волновой и корпускулярной), однако уже для Бора был ясен его универсальный характер. Бор писал: «Мы и в других областях человеческого познания сталкиваемся с видимыми противоречиями, которые могут быть устранены только с помощью принципа дополнительности». ³⁸ И как будто специально для криминологов: «В описании положения отдельного лица внутри общества имеются типично дополнительные стороны, связанные с подвижной границей между оценкой человеческих ценностей и общими положениями, на основании которых о них судят... Общую цель всех культур составляет самое теснейшее сочетание справедливости и милосердия; тем не менее следует признать, что в каждом случае, где нужно строго применить закон, не остается места для проявления милосердия,

³³ См., например: Вицин С. Е. Системный подход и преступность. М., 1980; Гилинский Я. И. О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. № 5. С. 49–56; Айдинян Р., Гилинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность // Организованная преступность в России: теория и реальность / Ред. Я. Гилинский. СПб., 1996. С. 1–15.

³⁴ Бачинин В. А. Философия права и преступления. Харьков, 1999. С. 518–525.

³⁵ Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism. SAGE, 1996; Milovanovic D. Postmodern Criminology, 1997.

³⁶ Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 321.

³⁷ Поннер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 255–256.

³⁸ Бор Н. Избранные научные труды. М., 1971. Т. 2. С. 209.

и наоборот, доброжелательство и сострадание могут вступить в конфликт с самыми принципами правосудия». ³⁹

Забвение принципов относительности знаний, дополнительности приводит к абсолютизации отдельных теорий, концепций, суждений, к догматизации науки. А, как говорил другой выдающийся физик – Макс Борн, «вера в то, что существует только одна истина и что она уже постигнута, кажется мне главной причиной всех зол на Земле». ⁴⁰

Итак, криминологи могут применять всевозможные методы научных исследований: философские, логические, ⁴¹ исторические, общенаучные (системный анализ, организационный анализ, синергетику), социологические методы сбора первичной информации (наблюдение, опрос, анализ документов, эксперимент), психологические методы (тесты) исследования свойств личности и т. д. О некоторых из них мы поговорим чуть позже; некоторую литературу назовем сейчас. ⁴²

Наконец, нельзя не отметить роль *сравнительного* метода в изучении преступности. Сравнительные (компаративистские) исследования преступности различных государств приобретают все большее значение в условиях интернационализации, глобализации всех социальных процессов, включая преступность. ⁴³ Нередко именно сравнительные исследования позволяют выявить тенденции, неявные при рассмотрении на примере одной страны.

Завершая этот параграф, отметим роль *моделирования* в современном научном познании вообще, криминологии в особенности.

Моделирование это то, чем *всегда* занималась и занимается *каждая* наука, независимо от осознания того, что она «говорит моделями». Ибо в самом широком смысле слова *модель* – это *отражение, образ* изучаемого, исследуемого, рассматриваемого объекта реальной действительности (или ирреальности: образ русалки, лешего, бабы-яги...). Говоря более научно, модель – это «представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает новую информацию об этом объекте». ⁴⁴ Существует множество других определений. Но для нас важно, что *моделирование предполагает некоторые теоретические (мысленные) представления об изучаемом объекте и системное описание (изложение) этих представлений, отражающих (неполно, схематично) наиболее существенные, «системообразующие» признаки, параметры объекта изучения.*

Содержательная модель, всегда присущая научным исследованиям, формулируется на естественном языке.

Формальная модель выражается с помощью формальных языков (логического, математического) и стала свойственна раньше всего естественным наукам, а позднее – и социальным, достигшим определенного уровня развития, зрелости. ⁴⁵ Не представляет исключения и криминология. ⁴⁶

³⁹ Там же. С. 495.

⁴⁰ Цит. по: Коул К. Естественность принципа дополнительности // Импакт. Наука и общество. 1986. № 1. С. 55.

⁴¹ См.: Бачинин В. А. Указ. соч.; Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск, 1990.

⁴² Блувштейн Ю. Д. Криминология и математика. М., 1974; Он же. Криминологическая статистика. Минск, 1981; Методика анализа преступности: Методическое пособие. М., 1986; Панкратов В. В. Методология и методика криминологических исследований. М., 1972.

⁴³ См., например: Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005; Кури Х., Обергфельд-Фукс Й. Общественные изменения и развитие преступности: Сравнение в международном аспекте // Криминология XX век. СПб., 2000. С. 115–176; Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гишинский. СПб., 2006.

⁴⁴ Штофф В. А. Моделирование и философия. М. – Л., 1965. С. 16.

⁴⁵ Плотинский Ю. М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов: Учебное пособие. М., 1998.

⁴⁶ Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М., 1974; Вицин С. Е. Моделирование в криминологии. М., 1973; Кудрявцев В. Н. Генезис преступления: опыт криминологического

Модели позволяют «проигрывать» различные ситуации, которые нельзя воспроизвести в действительности, исследовать возможные изменения объекта при изменении отдельных его параметров или же условий среды, прогнозировать развитие объекта при заданных параметрах и т. п. Эвристические возможности моделирования становятся поистине безграничны при использовании современной компьютерной техники.

§ 5. Эмпирические криминологические исследования

С середины XIX в. под влиянием *позитивизма* в философии и социологии (труды О. Конта, Г. Спенсера и др.) социальные науки начинают активно применять «позитивные», естественнонаучные методы исследования своего объекта. В криминологии это антропологические измерения Ч. Ломброзо, статистический анализ А. Кетле, социально-экономические исследования Ф. Энгельса («Положение рабочего класса в Англии») и др.

Постепенно криминологи начинают все активнее использовать весь арсенал *социологических* методов сбора и анализа эмпирических данных о своем объекте. В литературе – как социологической, так и криминологической – достаточно подробно изложены методика и техника эмпирических исследований преступности, ее отдельных видов, факторов, влияющих на преступность.⁴⁷ Поэтому ниже будет представлена лишь некоторая схема таких исследований.

Проведению исследования предшествует разработка его *программы*, включая определение целей, задач исследования, выработку гипотез (предположений, проверяемых в процессе исследования), анализ необходимой литературы, а также разработанный инструментарий – те конкретные методики, которые будут применяться в процессе сбора информации (анкеты, опросные листы, тесты и т. п.).

Напомним основные методы сбора первичной информации.

Наблюдение в криминологии по понятным причинам применяется реже, чем в социологии. Вместе с тем оно вполне возможно, например, при изучении режима в пенитенциарных учреждениях (пенитенциарная криминология). Так, автору этих строк приходилось неоднократно изучать и сравнивать – по определенной программе – условия содержания, быта, взаимоотношения между заключенными и персоналом в пенитенциарных учреждениях бывшего СССР, современной России, а также Венгрии (Будапешт), Германии (Фрайбург), Ирландии (Дублин), Кореи (Сеул), Польши (Варшава, Белосток), США (Нью-Йорк, Блумингтон), Финляндии (Хельсинки, Турку) и др. стран. Конечно, наблюдение как научный метод предполагает наличие предварительного плана, перечня подлежащих изучению вопросов и т. п.

Анализ документов – один из основных методов получения криминологической информации. Наиболее часто используются официальные (формальные) документы – материалы уголовных дел, нормативные документы, справки, отчеты и др., а также официальные статистические материалы и документы первичного учета (статистические карточки МВД РФ и МЮ РФ на преступление, на лицо, совершившее преступление, на подсудимого и др.). Приходится обращаться и к неофициальным (неформальным) документам – письмам, дневникам и др. Так,

моделирования: Учебное пособие. М., 1998; Ли Д. А. Преступность в России: Системный анализ. М., 1997; Ольков С. Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006; Юзиханова Э. Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005.

⁴⁷ Аврутин Ю. Е., Гилинский Я. И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л., 1991; Безруков С. И., Денисенко О. А., Ольков С. Г., Юзиханова Э. Г. Фундаментальное и прикладное криминологическое исследование преступности и управление органами внутренних дел. Тюмень, 2004; Блувштейн Ю. Д. Криминологическая статистика. Минск, 1981; Он же. Методика анализа преступности: Методическое пособие. М., 1986; Он же. Методы сбора информации в социологических исследованиях. М., 1990; Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара, 1995.

«письма из тюрьмы» активно используются в качестве источника информации отечественными и зарубежными авторами.⁴⁸

Опросы также часто применяются в криминологических исследованиях. Используются оба основных вида опроса: анкетный и интервью. Каждый из них обладает определенными достоинствами и имеет свои недостатки.

Интервью, т. е. личная беседа интервьюера (исследователя) и респондента (опрашиваемого) позволяет при необходимости уточнять вопросы, предусмотренные «опросным листом» (анкетой, «путеводителем интервью»), задавать дополнительные вопросы, гарантирует ответы на все вопросы и т. п. Но при этом исключается анонимность опроса (что может повлиять на степень правдивости ответов), а также ограничивается число респондентов (лично опросить можно десятки человек, но не тысячи).

Анкетный опрос обеспечивает анонимность, позволяет опросить сколь угодно большое число респондентов, но при этом не позволяет разъяснить неясный для респондента вопрос, допускает неполное заполнение анкеты или ее невозврат.

По форме проведения опрос может быть личным (интервью, *face of face*), почтовым, телефонным.

К числу массовых анкетных опросов относятся виктимологические опросы населения (подробнее о них см. § 2 гл. 2). Нередко проводятся как интервью, так и анкетный опрос лиц, обвиняемых или осужденных за совершение изучаемого вида преступлений, заключенных, представителей делинквентных и криминальных групп.⁴⁹

Опрос экспертов – разновидность опроса, рассматриваемая нередко как самостоятельный метод. Применяется обычно тогда, когда необходимо получить мнение специалистов по какому-либо вопросу. Часто экспертный опрос применяется наряду с опросом населения или какой-то группы (осужденных, подростков). Это дает возможность сравнить, сопоставить мнение специалистов и «несведущих» людей. Так, при изучении деятельности преступных организаций могут опрашиваться их члены, предприниматели, а также специалисты (эксперты) – руководители подразделений РУБОП, ФСБ, следственных управлений.

Эксперимент редко возможен в криминологических исследованиях. Исключение составляют эксперименты, связанные с программами реадaptации, ресоциализации осужденных, лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях. Устанавливая в некоторых из них («экспериментальных») новые условия отбывания наказания (например, предоставление отпусков), применяя новые психолого-педагогические методы коррекции поведения и сопоставляя результаты с ситуацией в других учреждениях, можно выявить достоинства и недостатки нововведений.

Это неполный перечень социологических методов, используемых в криминологии. Все большую роль играют так называемые «качественные методы», включая метод фокус-групп, и др.⁵⁰

Наряду с социологическими методами, при изучении лиц, совершивших преступления, осужденных, заключенных могут применяться и психологические методы – *тестирования*, которые проводят профессиональные психологи.

Невозможно перечислить все случаи, когда целесообразно проведение эмпирических криминологических исследований, указать все решаемые при этом задачи. Лишь в качестве

⁴⁸ Письма из зоны-87 / Ред. В. Абрамкин. М., 1993; Palermo G., White M. Letters from Prison: A Cry For Justice. Charles C Thomas Publisher Ltd., 1998.

⁴⁹ Тюремный мир глазами политзаключенных / Ред. В. Абрамкин. М., 1993; Morris R., Heffren C. Street People Speak. Mosaic Press, 1988.

⁵⁰ См.: Белановский С. А. Методика и техника фокусированного интервью. М., 1993; Afanasyev V. Views on Social Problems among Influential Groups in St. Petersburg // Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. Helsinki, 1998.

примера назовем некоторые типичные задачи *регионального* криминологического исследования.

1. Определение *состояния* (объем, уровень, структура, динамика) *преступности* в регионе. Обычно достигается сбором и анализом официальных статистических данных, результатов виктимологических опросов.

2. Уточнение *социально-демографического* (пол, возраст, образовательный уровень, социальное и семейное положение и т. п.) состава лиц, совершающих различные преступления. Осуществляется путем анализа статистических данных, а также в результате опроса. На основе полученных данных рассчитываются *коэффициенты* (индексы) *криминальной активности* различных социально-демографических групп по формуле:

$$K_{\text{кр. акт.}} = \frac{n}{N},$$

где n – доля социально-демографической группы среди лиц, виновных в совершении преступлений (%);

N – доля той же группы в населении (%).

Коэффициент криминальной активности показывает *вклад* группы в преступность. При $K_{\text{кр. акт.}} > 1$ можно говорить о *повышенной* криминальной активности, при $K_{\text{кр. акт.}} < 1$ – о *пониженной*. Подробнее о методике и возможностях использования этого коэффициента см. статью Н. Проскурниной.⁵¹

3. Установление *пространственного* (территориального) *распределения* преступности и отдельных ее видов в регионе: по районам и микрорайонам города; по районам, населенным пунктам области и т. п. Одновременно выявляются *экспортно-импортные* потоки преступлений: жители каких территориальных единиц совершают преступления (и какие именно) на изучаемой территории. Так, при исследовании пространственного распределения преступности в Санкт-Петербурге наиболее «криминальными» оказались центральные районы, а также были зафиксированы районы-«импортеры» – в основном, центральные районы города и «экспортеры» – как правило, «спальные» районы.

4. Выявление *временного* (по дням недели, часам суток, месяцам – «сезонная волна») *распределения* преступности и ее видов. Например, в Санкт-Петербурге уровень преступности ежедневно увеличивался, начиная с понедельника, достигал максимума в пятницу, несколько снижался в субботу и падал до минимума в воскресенье (преступники тоже отдыхают...). Квартирные кражи преобладали в период от 12 до 16 ч (что легко объяснимо – время, когда владельцы жилья на работе), а вот уличные преступления – с 18 до 24 ч. Для различных видов преступлений наблюдалась и своя «сезонная волна».⁵²

5. Установление *взаимосвязей* между *преступностью*, ее состоянием и социальными, экономическими, политическими, культурологическими и прочими *факторами*. Это наиболее сложная из задач эмпирического криминологического исследования. Она решается средствами корреляционного, факторного, регрессионного анализа, т. е. специальными математи-

⁵¹ Проскурнина Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1985.

⁵² Подробнее см.: Аврутин Ю., Гишинский Я. Указ. соч.

ческими методами, описание которых выходит за рамки данной работы и требует обращения к соответствующей литературе.⁵³

6. Выявление взаимоотношений между населением и правоохранительными органами в связи с преступностью, а также роли средств массовой информации (СМИ) в освещении проблем преступности и формировании «образа преступника», «страха перед преступностью» и т. п. Эта задача решается с помощью контент-анализа прессы и массовых опросов населения.⁵⁴

⁵³ Ольков С. Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006; Скифский И. С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007; Юзиханова Э. Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации: Дис... докт. юрид. наук. М., 2007.

⁵⁴ Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (отчет 4). СПб., 2002; Afanasyev V., Gilinskiy Y. Alcohol, Drugs and Crime in the St. Petersburg Press // Social Problems in Newspaper. Studies around the Baltic Sea. Helsinki, 1994. P. 55–70; Gilinskiy Y. Police and the Community in Russia // Police Practice and Research. An International Journal. 2005. Vol. 6. № 4. P. 331–346.

Глава 2

Преступность

Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно.

Э. Дюркгейм

§ 1. Понятие преступности

Преступность – центральное понятие криминологии. Но, как нередко бывает в науке, – наименее ясное и определенное.

Зарубежные криминологи уходят от определения этого понятия, ограничиваясь определением *преступления* как поведенческого акта, нарушающего уголовно-правовой запрет («behavior which is prohibited by the criminal code»), или же констатируют три основных подхода к пониманию преступности (преступления): легалистский (преступно то, что запрещено законом), социальной реакции (преступно то, что осуждается обществом, государством, за что назначается наказание) и критический (не согласный с двумя названными).⁵⁵ Вот одно из «интегративных» определений: «Преступления – такие акты, которые юридически осуждены государством и считаются заслуживающими наказания и контроля».⁵⁶

Кроме того, в современной криминологии подчеркивается неопределенность и многозначность понятия «преступление». Преступление может рассматриваться как: форма нормального поведения; нарушение поведенческих норм; нарушение уголовного закона; форма девиантного поведения; поведение, определяемое законом; всеми осуждаемое поведение; идеологическое осуждение; нарушение прав человека; социальный вред; форма неравенства; ограничение возможности инакодействия; историческое изобретение; социальный конструкт.⁵⁷

В отечественной литературе долгие годы господствовало понимание преступности как «исторически преходящего социально-правового явления классового общества, представляющего собой совокупность всех преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени».⁵⁸ В таком определении все вызывает сомнения: и «преходящий» характер преступности, и привязанность к классовому обществу, и определение социального явления через совокупность индивидуальных поведенческих актов. За последние годы появились более корректные подходы: «Преступность – отрицательное социально-правовое явление, существующее в человеческом обществе, имеющее свои закономерности, количественные и качественные характеристики, влекущее негативные для общества и людей последствия и требующее специфических государственных и общественных мер контроля за ней».⁵⁹ В целом это вполне приемлемое определение, если бы не одно «но»: попробуйте подставить в это определение вместо слова «преступность» слова «пьянство», или «наркотизм», или «коррупция»... Поставили? Подходит? Но тогда такое определение не специфично именно для преступности.

⁵⁵ Brown S., Esbensen F-A., Geis G. Criminology: Explaining Crime and its Context. Third Edition. Anderson Publishing Co., 1998. P. 17–23; De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996. P. 31–63; Lanier M., Henry S. Essential Criminology. 1998. P. 13–35.

⁵⁶ White R., Habibis D. Crime and Society. P. 17.

⁵⁷ Barak G. (1998). Op. cit. P. 22; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) (1996) Op. cit. P. 12–17.

⁵⁸ См., например: Криминология / Ред. Б. В. Коробейников, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский. М., 1988. С. 63.

⁵⁹ Криминология / Ред. В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. 1997. С. 22.

Более социологичны определения представителей ленинградской – санкт-петербургской криминологической школы: «Преступность – это момент, состояние социального организма... Преступность как социальное явление представляет собой одну из характеристик общества, один из параметров, отражающих состояние социального организма». ⁶⁰ И «свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов». ⁶¹ Однако, как мне кажется, и в названных определениях, правильно отражающих социальную природу преступности, отсутствует указание на ее *специфичность*.

Вполне оригинально и достаточно корректно определение, предложенное А. И. Долговой: «Преступность – это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета». ⁶²

Случайно ли ни отечественные, ни зарубежные криминологи не «додумались» до «правильного» определения главного предмета своих исследований? Конечно же, нет. Преступность – сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ (в отличие, например, от наркотизма, пьянства, самоубийств) и определяемое с помощью двух разнопорядковых критериев: 1) общественной опасности, реального вреда и 2) предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* – нет преступления без указания о том в законе). Порассуждаем на эту тему.

Очевидно, в различных странах и в разное время существенно различается круг деяний, признаваемых преступными. То, что в одной стране – преступление, в другой не признается таковым. То, что преступным было вчера (например, добровольный гомосексуализм – ст. 121 УК РСФСР 1960 г., бродяжничество, попрошайничество, ведение паразитического образа жизни – ст. 209 УК РСФСР) – не преступно (декриминализовано) сегодня, и наоборот (лжепредпринимательство – ст. 173 УК РФ 1996 г., фиктивное банкротство – ст. 197 УК РФ). *В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам, sui generis, per se.* Преступление и преступность – понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* («договорные»: как «договарятся» законодатели), они суть социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие отдельные социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т. п.

Осознание того, что многие привычные общественные явления не что иное, как *конструкции*, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках лишь во второй половине XX столетия. ⁶³ «Рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися совершенно различные "реальности"». ⁶⁴ И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще... Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений), однако в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией произошло сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется многими западными

⁶⁰ Спиридонов Л. И. Криминологический факт и его оценка // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 21; Он же. В русле социологического подхода // Отклоняющееся поведение молодежи. Таллин, 1979. С. 3–4.

⁶¹ Шестаков Д. А. Криминология: Учебник для вузов. СПб., 2006. С. 136.

⁶² Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 7.

⁶³ Berger P, Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY, 1966.

⁶⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 11.

криминологами.⁶⁵ Это четко формулируют германские криминологи Хесс и Шеерер:⁶⁶ преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности».⁶⁷

«Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. *Преступность* не существует в природе, это выдумка (*invented*) людей», – пишет М. Робинсон.⁶⁸

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она – продукт культурных, социальных и ментальных процессов.⁶⁹ А отсюда, казалось бы, парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*crime does not exist*).⁷⁰

Каковы же основные положения конструктивистских представлений о преступлении, преступности и криминологии?⁷¹

Во-первых, «преступление не онтологическая реальность» (с. 11 вышеназванной книги Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D.).

Во-вторых, «криминология увековечивает миф о преступности» (с. 11 той же книги).

В-третьих, ««преступность» включает много мелких проступков» (с. 12). Дело в том, что «преступление» – это всегда очень серьезное деяние, причиняющее значительный вред. Между тем уголовный закон включает множество незначительных проступков, но их субъекты подвергаются последствиям признания их проступков «преступлением».

В-четвертых, ««преступность» исключает (не включает. – Я. Г.) многие серьезные деяния, причиняющие тяжелый вред» (с. 13). В качестве примера авторы приводят многочисленные корпоративные преступления, домашнее насилие, преступления полиции и т. п., которые оказываются *de jure* или *de facto* вне уголовной ответственности.

В-пятых, «сконструированность "преступлений"» (с. 14). Отсутствие четких (онтологических!) критериев того, что же по своему содержанию является «преступлением», приводит к тому, что оно оказывается всего-навсего «конструктом», более или менее искусственным.

В-шестых, «криминализация и наказание причиняют боль» (с. 15). Это известное положение Нильса Кристи (мы еще не раз будем возвращаться к имени этого известного норвежского профессора-гуманиста) о том, что уголовное правосудие есть процесс причинения боли и пользоваться им необходимо лишь в крайних случаях.

⁶⁵ Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. NJ, 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995; De Keseredy W., Schwartz M. Op. cit. 1996. P. 45–51; Hester S., Eglin P. (1992) Op. cit. P. 27–46; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime. SAGE, 1996. P. 13.

⁶⁶ Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

⁶⁷ Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. № 10. P. 63–80.

⁶⁸ Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ, 2004. P. 2.

⁶⁹ Christie N. A suitable Amount of Crime. P. 10–11.

⁷⁰ Ibid. P. 1.

⁷¹ См.: Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D. Beyond Criminology: Taking Harm Seriously. Pluto Press, Fernwood Publishing, 2004. P. 11–18.

В-седьмых, «"контроль над преступностью" неэффективен» (с. 16). Проблеме социального контроля над преступностью посвящена ч. IV нашей книги, и мы подробно будем рассматривать ее.

В-восьмых, «легитимизация «преступности» ведет к экспансии контроля над преступностью» (с. 17). Смысл этого тезиса состоит в том, что все большая *криминализация* различных деяний (признание их преступными) и нагнетаемый политиками-популистами и СМИ «страх перед преступностью» приводят ко все большей *репрессивности* полиции и уголовной юстиции, расширению их деятельности, нередко за счет ограничения прав человека, ко все большему вовлечению людей в жернова уголовной юстиции, к росту тюремного населения, к «призонизации» поведения и сознания масс населения. И об этом мы подробнее поговорим в ч. IV нашей книги.

Наконец, в-девятых, «"преступность" служит поддержанию (сохранению) властных отношений» (с. 17). Так, уголовное право ведет к сохранению коллективной безответственности в коридорах власти при пренебрежении к индивидуальным поступкам и поведению «улицы». Это увековечивает такие структурные детерминанты нежелательного поведения, как бедность, социальная депривация (неравенство доступа к социальным благам; психологический дискомфорт, вызванный пониманием этого), огромное неравенство между богатыми и бедными. При этом растет заинтересованность «индустрии контроля над преступностью» в криминализации деяний. Политики используют «преступность» в целях мобилизации электората для поддержки своих партий. В целом «преступность» способствует сохранению властных отношений.

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструкторов, а также рассматривается процесс такого конструирования в последнем издании Оксфордского справочника (руководства) по криминологии.⁷²

Итак, «термин *преступление* есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка людей».⁷³

Как происходит конструирование одной из современных (начиная с середины 80-х гг. XX в.) разновидностей преступности – «преступлений ненависти» (*«hate crimes»*), т. е. преступных посягательств против «ненавистных» меньшинств (афро-, испано-, арабо- и азиато-американцев, евреев, геев и лесбиянок и т. п.), показано в книге американских криминологов.⁷⁴ В этом конструировании («"Hate crime" is a social construct») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Роль политического режима в конструировании преступности и иных социальных девиаций показана мною в одной из работ.⁷⁵ А участие СМИ в конструировании преступности и иных девиантных проявлений рассмотрена в монографии И. Г. Ясавеева.⁷⁶

С нашей точки зрения, *вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически не расчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей*. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И тот факт, что первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы, – есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей *«здесь и сейчас»* (ибо бокал вина запрещен в мусульманских

⁷² Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007. P. 179–337. См. также: Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007.

⁷³ Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ, 2004. P. 2.

⁷⁴ Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

⁷⁵ Гилинский Я. И. Девиантность, социальный контроль и политический режим // Политический режим и преступность. СПб., 2001. С. 39–65.

⁷⁶ Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

странах, марихуана разрешена в Голландии, курение табака было под страхом смерти запрещено в Испании во времена Колумба и т. д.). Иначе говоря, жизнедеятельность человека – пламя, огонь, некоторые языки которого признаются – обоснованно или не очень – опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (если речь идет о правовых запретах).

Но тогда основными вопросами криминологии окажутся:

1. Какие потребности существуют у современных людей?
2. Какие легальные возможности удовлетворения потребностей предоставляет современное общество современным людям?
3. Какие средства и способы удовлетворения потребностей признаются современным государством недопустимыми, в том числе – преступными, и почему?

Как заметил в 1983 г. В. Коган, «преступление, независимо от его вида, образуется соединением побуждения, которое само по себе не преступно, с операцией, которая сама по себе не преступна, если такое соединение причиняет вред либо создает угрозу объектам, поставленным в связи с их социальной ценностью под уголовно-правовую охрану, и при этом запрещено уголовным правом».⁷⁷

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще и конструирование преступности в частности совершенно произвольны.⁷⁸ Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный вред, наносят ущерб, а потому негативно воспринимаются и оцениваются другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний не причиняют вреда другим, а значит, криминализированы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта.⁷⁹

Канадский криминолог Дж. Хаган рассматривает преступления и девиации как «континуум (протяженность) вариаций» («*continuosis variable*»). Он попытался на основании опроса проранжировать степень воспринимаемой населением опасности, тяжести различных видов «отклонений» и получил шкалу от прогулов 16-летних школьников (0,2 балла) и бродяжничества (0,3 балла) до изнасилования (52,8 балла) и закладывания бомбы в общественное здание, в результате взрыва которой погибло 20 человек (72,1 балла).⁸⁰ Сколько баллов «достаточно», чтобы признать отклонение преступлением?..

О том, что законодатель грешит расширительным толкованием вреда, заслуживающего криминализации, свидетельствует тот факт, что, согласно букве уголовного закона большинства современных государств, включая Россию, 100 % взрослого населения – уголовные преступники (кто, например, в России ни разу не оскорбил кого-либо – ст. 130 УК РФ, или не ударил кого-либо, причинив физическую боль – ст. 116 УК РФ, или не уклонился от уплаты налога – ст. 198 УК РФ и т. п.). Но и в других странах ситуация не лучше. Так, по результатам нескольких опросов населения в США, от 91 до 100 % респондентов подтвердили, что им приходилось совершать то, что уголовный закон признает преступлением (данные Уоллерстайна и Уайля, Мартина и Фицпатрика, Портфельда и др.).

⁷⁷ Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 89.

⁷⁸ См., например: Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории // Теория общества: Фундаментальные проблемы. М., 1999. С. 292–306.

⁷⁹ Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965.

⁸⁰ Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and Its Control. NY, 1985.

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть*.

Ясно, что правовые (в том числе – уголовно-правовые) нормы и их реализация (что не всегда одно и то же) непосредственно зависят от *политического режима*.⁸¹ Рассмотрим это на примере трансформации политического режима в советском государстве. После октября 1917 г. новая российская власть, для утверждения которой немало сделали демократическая революционно настроенная студенческая молодежь и интеллигенция, пыталась какое-то время сохранить имидж прогрессивности, либерализма, демократичности. В Руководящих началах 1919 г. и в первом Уголовном кодексе 1922 г. наказание признавалось мерой «оборонительной», санкции были не очень строгие, в УК РСФСР 1926 г. термин «наказание» был заменен понятием «меры социальной защиты». Тюремь пытались заменить трудовыми лагерями (что творилось нередко на практике – другой вопрос). Руководство страны и его идеологическое обеспечение на первых порах отнеслись либерально-аболиционистски к тому, что позднее, при сталинском тоталитарном режиме, трактовалось как явления чуждые и враждебные советскому народу. Скажем, в 20-е годы вполне терпимо воспринимали *проституцию*. Меры социального контроля сводились в основном к попыткам реабилитации женщин, вовлекаемых в сексуальную коммерцию, путем привлечения их к труду и повышения образовательного и профессионального уровня. В декабре 1917 г. была отменена уголовная ответственность за гомосексуальную связь, не предусматривалась уголовная ответственность за *гомосексуализм* и в Уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. В первом издании Большой Советской Энциклопедии 1930 г. говорилось: «Понимая неправильность развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину... на носителей этих особенностей... Наше общество... создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее».⁸² До мая 1928 г. не было запрета на оборот *наркотиков*. Фактически существовало индифферентное отношение к наркопотреблению и наркотизму как социальному явлению.

С постепенным утверждением в стране тоталитарного режима принципиально меняется отношение ко всем «пережиткам капитализма», «чуждым советскому народу». В 30-е гг. сворачивается система социальной реабилитации женщин, занимавшихся *проституцией*, на смену приходит репрессивная политика по отношению к ним. Резко меняется отношение к *гомосексуализму*. В 1934 г. вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм (с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет). В 1936 г. народный комиссар юстиции РСФСР Н. Крыленко сравнил гомосексуалистов с фашистами и иными врагами большевистского строя (надо ли напоминать, что в гитлеровской фашистской Германии гомосексуалистов уничтожали физически!). Во втором издании БСЭ мы можем прочитать: «В советском обществе с его здоровой нравственностью гомосексуализм как половое извращение считается позорным и преступным... В буржуазных странах, где гомосексуализм представляет собой выражение морального разложения правящих классов, гомосексуализм фактически ненаказуем».⁸³ В 1934 г. устанавливается уголовная ответственность за посевы опийного мака и индийской конопли. Из приведенных примеров наглядно видно, как режим *конструирует* различные виды девиантности и преступности. Или – создает «козлов отпущения», на которых так удобно списывать просчеты и неудачи собственной социальной политики.⁸⁴

⁸¹ Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим // Политический режим и преступность. СПб., 2001. С. 39–65.

⁸² Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1930. Т. 17. С. 594–598.

⁸³ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1952. Т. 12. С. 35.

⁸⁴ Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 17–29 и др.

Объективная сложность логического определения преступности и состоит, очевидно, в том, что она «конструируется» по двум разным основаниям, лежащим в разных плоскостях: реальный (онтологический, объективный) *вред* и «указание о том в законе», криминализованность, которая всегда является результатом *субъективной воли* законодателя. На это обстоятельство обратил внимание В. Е. Жеребкин еще в 1976 г. Он заметил, что одни признаки понятия «преступление» являются материальными, субстанциальными (общественная опасность или, более корректно – вред), тогда как другие – формальны, несубстанциальны (противоправность, указание в уголовном законе). Сам Жеребкин так определяет эти два признака: «*Материальный признак* – это такой признак, который присущ предмету как таковому, является субстанциальным, имманентным его свойством. Это признак объективный, существующий *независимо* от субъекта познания (законодателя) и до него.

Формальный признак – это признак не субстанциальный, он не принадлежит предмету действительности, не является его имманентным свойством. Этим признаком реальный предмет наделяется субъектом познания (законодателем)». ⁸⁵ Однако отечественные криминологи, кажется, прошли мимо этих рассуждений.

Исходя из представлений о преступности как частном случае девиантности, нами под *преступностью* понимается *относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе*.⁸⁶ Аналогичное определение преступлений было предложено Джоном Хаганом: «вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, которые запрещены уголовным законом». ⁸⁷ Разумеется, наше определение тоже «хромает», носит рабочий характер и не претендует на «правильность».

К сожалению, эта ясная позиция, не будучи понята, подвергается иногда огульной критике. Так, в учебнике под редакцией Н. Ф. Кузнецовой утверждается, что в зарубежной криминологии, а также в трудах Я. И. Гишинского и Д. А. Шестакова подменяется понятие преступности «отклоняющимся поведением», отвергается уголовно-правовое свойство преступности, а криминология превращается в «королеву без королевства». ⁸⁸ Более или менее внимательное прочтение текстов и зарубежных криминологов, и упомянутых российских авторов свидетельствует о полном непонимании критиком их позиции. Никто не отождествляет преступность с девиантностью, а преступление – с девиантным поведением. Речь идет лишь об их взаимоотношениях, «соподчиненности» (преступность – разновидность девиантности, преступление – одна из форм девиантного поведения). И «королева»-криминология полностью сохраняет свое «королевство» – науку о преступности.

Преступность как социальный феномен характеризуется рядом свойств:

- *массовость*, распространенность;
- относительная статистическая *устойчивость*; изменения носят «плавный» и закономерный характер;
- историческая *изменчивость* – при этом речь идет не только (не столько) о зависимости конструкта «преступность» от воли законодателя, сколько о закономерных изменениях структуры преступности, ее качественных особенностей (например, групповая преступность была всегда, организованная – продукт XX в., заказные убийства были всегда, появление профессии киллера – одно из «новшеств»);
- *иррегулярность* – отдельные преступления как элементы статистической совокупности совершаются независимо друг от друга.

⁸⁵ Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 37.

⁸⁶ Гишинский Я. И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002. С. 37.

⁸⁷ Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control. NY, 1985. P. 49.

⁸⁸ Криминология: Учебное пособие / Ред. Н. Ф. Кузнецова. М., 2006. С. 48–49.

Релятивность, конвенциональность, историческая изменчивость, массовость, статистическая устойчивость – все эти свойства преступности заставляют думать о *преступности как культурном феномене*, как элементе культуры.

Имеется множество определений культуры. Нам представляется наиболее общим и отвечающим своему предмету понимание *культуры как способа человеческого существования, способа человеческой деятельности*.⁸⁹ Культура включает также объективированные *результаты* этой деятельности. Культура служит наиболее общим внебиологическим механизмом накопления (аккумуляции), хранения и передачи (трансляции) информации, выполняя тем самым функцию социального наследования.

Для нашей темы важно, что при таком – не аксиологическом – понимании культура включает не только «позитивные», одобряемые способы деятельности, но и «негативные», порицаемые, «образцы культуры» не только со знаком «+», но и со знаком «—». В культуру входят способы технического, научного, художественного творчества, но также и способы взлома квартиры (с помощью «фомки» или «слоника» или путем отжима ригеля), нормы христианской морали, но также и нормы воровской культуры (субкультуры), лучшие образцы мирового зодчества, но также и надписи на заборах...

Каждое общество имеет ту преступность (виды преступлений, их качественное своеобразие), которая соответствует культуре данного общества, является ее элементом. В современных странах Западной Европы вряд ли кто из психически нормальных людей воспользуется таким способом убийства, как колдовство, или таким способом причинения вреда здоровью, как «сглаз». Компьютерные преступления возможны только в обществах соответствующей «информационной» культуры. В российскую культуру традиционно интегрирована культура «блатная», тюремная (начиная от знаменитых «Гоп-со-смыком» и «Мурки» и кончая творчеством С. Есенина, В. Высоцкого, А. Галича и др.). Культура «подсказывает» образцы поведения, образцы разрешения конфликтов, жизненных коллизий (перестать встречаться, «выяснить отношения», вызвать на дуэль, покончить жизнь самоубийством, запить «горькую», украсть, поменять место работы и др.). Культурно обусловлены не только характер и способы совершения преступлений, но и применяемые обществом меры социального контроля, включая наказание. К этому мы еще вернемся в IV части книги.

§ 2. Основные характеристики (показатели) преступности

Любое изучение и описание преступности или же ее отдельных видов требует количественных показателей. *Измерение преступности* – одна из главных исследовательских задач зарубежной криминологии.⁹⁰ Проблемность этой задачи объясняется рядом факторов.

• Как мы заметили выше, уголовное законодательство большинства современных государств сконструировано таким образом, что практически все или почти все взрослые граждане в течение жизни совершали преступления, причем не единожды (все граждане – преступники-рецидивисты...). Этот феномен можно обозначить как *избыточность уголовного закона*. Понятно, что регистрируется лишь незначительная часть всех совершаемых «преступлений» (привычный образ – «надводная часть айсберга»). Незарегистрированное большинство преступлений носит название *латентной* преступности; о ней речь пойдет ниже. Ясно, что выявление и оценка масштабов латентной преступности – задача не из легких.

⁸⁹ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969. С. 66; *Он же*. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

⁹⁰ Barkan S. (1997) Op. cit. P. 51–83; Brown S., Esbensen F.-A., Geis G. (1998) Op. cit. P. 79–124; De Keseredy W., Schwartz M. (1996) Op. cit. P. 109–150; Lanier M., Henry S. (1998) Op. cit. P. 36–62; Muncie J., McLaughlin E. (1996) Op. cit. P. 19–41; Sheley J. (Ed.) Criminology: A Contemporary Handbook. Third Edition. Wadsworth, Thomson Learning, 2000. P. 56–83; Tierney J. Criminology: Theory and Context. Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996. P. 24–43.

• Иногда утверждают, что зарегистрированная (учтенная) преступность «представительна» для всей совокупности. И в зарегистрированной преступности отражается целое как в капле воды. Но насколько мы можем доверять представительности (репрезентативности) учтенной преступности? Ведь *что* и *как* регистрируется, зависит от активности населения (насколько оно, включая жертв преступлений, сообщает в органы, регистрирующие преступления, о таковых), от активности полиции (насколько полно и точно она регистрирует все факты преступлений, ставших ей известными), от государственной политики (что именно, с точки зрения властей, является главным объектом «борьбы с преступностью»), от характера преступлений (всегда ли населению и полиции становятся известны факты мошенничества, экологических преступлений, фальсификации товаров и услуг?). Во всем мире хорошо известна *селективность* (избирательность) полиции и уголовной юстиции при выявлении, регистрации и раскрытии преступлений: наиболее полно учитываются так называемые уличные, или «общееуголовные» преступления (*street crimes*) и «не замечается» преступность «респектабельная», «элитарная», «беловоротничковая» (*white-collar crime*). По образному выражению А. Liazos, «борьба» ведется преимущественно с пьяницами, опустившимися и извращенцами (*nuts, sluts and perverts*). И тогда пойманные полицией и осужденные судом «nuts, sluts and perverts» – лишь «козлы отпущения», призванные демонстрировать успехи борьбы с преступностью.

• Уголовное законодательство различных стран в разное время признает преступными существенно различные деяния. Как сравнивать, сопоставлять при этом криминальную ситуацию, оценивать ее динамику?

В современных развитых странах существует несколько взаимодополняющих систем учета совершаемых преступлений.

Прежде всего, это *официальная* полицейская (прокурорская, судебная) *статистика*. Используемая во всех странах, она формируется по разным критериям: по числу арестов подозреваемых, по числу возбужденных уголовных дел, по числу зарегистрированных преступлений (последний вариант принят и в современной России). Иногда за основу берутся не все зарегистрированные преступления, а наиболее опасные или распространенные. Так, в США публикуются сведения ФБР об «индексной преступности» (*Uniform Crime Reports – UCR*), в состав которой входят убийства, изнасилования, разбойные нападения, грабежи, берглэри (*burglary* – вторжение в чужое жилище с преступными намерениями), кражи (на сумму свыше \$50), кражи автотранспортных средств. Пожалуй, наиболее полные сведения о преступности (в целом и по видам, по федеральным землям, по городам с населением свыше 200 тыс. жителей, о лицах, совершивших преступления, о жертвах и многое другое) публикуются в ФРГ.⁹¹ Впрочем, и во многих других западноевропейских странах сведения о преступности публикуются полно, открыто и «красочно» (цветные графики, диаграммы и т. п.).⁹² Сравнительные статистические данные по десяткам стран имеются в отчетах ООН⁹³ и публикуются МВД Великобритании (Home Office).⁹⁴

В СССР вся уголовная статистика была засекречена. Первые, крайне убогие сведения начали публиковаться с 1987 г. в ежегодных статистических сборниках «СССР в цифрах». Первый относительно полный статистический сборник «Преступность и правонарушения в СССР» вышел в 1990 г. и содержал наиболее общие сведения с 1961 г., а по отдельным пре-

⁹¹ См., например: Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2004. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2005.

⁹² См., например: The 2000 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin. London, 2000. 18/00; Recorder Crime England and Wales, 12 months // Home Office Statistical Bulletin, 2001.

⁹³ Например: Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY, 1999.

⁹⁴ Например: Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin. Issue 12/03. 2003.

ступлениям – с 1980 г.⁹⁵ По понятным причинам общесоюзные сборники прекратили свое существование уже в 1991 г., но с 1992 г. стали публиковаться российские ежегодные статистические сборники «Преступность и правонарушения».⁹⁶ Если выпуски до 1992 г. включительно поступали в открытую продажу то уже с 1993 г. их приходится «доставать». То же самое относится к кратким ежемесячным и ежегодным справочникам МВД РФ «Состояние преступности в России». Есть и другие источники статистической информации, в частности, публикуемые в изданиях Российской криминологической ассоциации, в трудах отечественных криминологов, но содержащиеся в них данные носят, как правило, вторичный, производный характер.

Поскольку официальные полицейские статистические данные заведомо страдают существенной неполнотой, они дополняются проводимыми во многих странах *виктимологическими опросами* населения (*victimological survey*). Суть последних – анонимный репрезентативный (представительный) опрос жителей о том, становились ли они лично или члены их семьи жертвами преступлений в определенный предшествующий опросу промежуток времени (год, полугодие, квартал) и если – да, то каких именно. В США результаты такого рода опросов (*National Crime Victimization Survey* – NCVS) образуют второй важнейший источник сведений о преступности, наряду со статистикой ФБР, а сравнение данных UCR и NCVS – предмет криминологических исследований.⁹⁷

К сожалению, в России никогда не проводились национальные (федеральные) виктимологические опросы, а региональные – лишь в незначительном количестве регионов и нерегулярно (что существенно снижает их познавательные возможности). И, пожалуй, самое главное – региональные виктимологические опросы если и проводятся, то по различным методикам, а потому их результаты несопоставимы между собой. Мы можем сослаться лишь на относительно систематические виктимологические опросы населения Санкт-Петербурга, проводимые с нашим участием начиная с 1989 г., причем с 1999 г. – по единым методикам, принятым в США.⁹⁸

Третьим способом измерения масштабов преступности является метод *самоотчета* (*self-report survey*). Он заключается в анонимном анкетном репрезентативном опросе населения с целью выяснить, совершал ли респондент какие-либо уголовно наказуемые деяния за определенный прошедший период времени. Достаточно распространенный за рубежом, этот метод почти не применяется в России (нам известен лишь один такой опрос, проведенный с нашим участием в Санкт-Петербурге в середине 90-х гг.).

Существуют и иные национальные или региональные исследования, направленные на решение частных задач (определение уровня насильственных преступлений в регионе, степени латентности тех или иных преступлений и т. п.). Так, в США хорошо известны национальные исследования молодежи (*National Survey of Youth*), позволяющие уточнить состояние молодежной преступности.

Какие же основные *показатели* характеризуют ситуацию с преступностью?

- *Объем преступности* – абсолютное количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени.

⁹⁵ Преступность и правонарушения в СССР. 1989. М., 1990.

⁹⁶ См., например: Преступность и правонарушения (2002–2006). Статистический сборник. М., 2007.

⁹⁷ Например: *Sheley J. Criminology. A Contemporary Handbook*. Wadsworth, 2000. P. 60–79.

⁹⁸ Результаты частично опубликованы в: *Afanasiev V., Gilinskiy Y., Colbert V. Social Changes and Crime in St. Petersburg* // Ewald U. (Ed.) *Social Transformation and Crime in Metropolises of Former Eastern Bloc Countries*. Bonn: Forum Verlag Godesberg, 1997. P. 162–181; *Gilinskiy Y. Police and the Community in Russia* // *Police Practice and Research. An International Journal*. Vol. 6. N 4. 2005. P. 331–346; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб., 1999; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет-2). СПб., 2000; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет-3). СПб., 2001; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет 4). СПб., 2002.

Например, объем зарегистрированной преступности в России в 2006 г. составил 3 855 373 преступления.

- *Уровень преступности* – количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени, в расчете на какое-либо количество жителей этой же территории (обычно – в расчете на 100 тыс. человек, хотя возможен расчет и на 10 тыс., и на 1 тыс. человек). Нередко уровень преступности рассчитывается на 100 тыс. жителей, достигших возраста наступления уголовной ответственности (в России – старше 14 лет).

Уровень преступности на 100 тыс. человек населения рассчитывается по формуле:

$$K = \frac{n \times 10^5}{N},$$

где K – коэффициент преступности;

n – количество зарегистрированных на определенной территории за определенное время преступлений;

N – численность населения (или численность населения в возрасте старше 14 лет) на этой же территории.

Например, мы уже знаем, что объем преступности в России в 2006 г. составил 3 855 373 преступления. В этом же году население России составило ориентировочно 143 400 тыс. человек. Тогда коэффициент преступности (K) в 2006 г. составит в России (на 100 тыс. всего населения):

$3\,855\,373 \times 100\,000 : 143\,400\,000 = 2696,1$ (по официальным данным – 2700,7).

Коэффициент преступности (как показатель ее уровня) позволяет сравнивать состояние преступности в различных странах и регионах.

- *Структура преступности* – внутренний состав преступности по видам преступлений (в 2006 г. в России кражи составили 43,5 % от всех зарегистрированных преступлений, разбои и грабежи – 10,8 %, хулиганство – 0,7 %, тяжкие насильственные преступления – 2,3 %, вымогательство – 0,4 %, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, – 5,5 %, иные преступления – 36,8 %⁹⁹), или по социально-демографическому составу лиц, совершивших преступления (в 2006 г. в России женская преступность составила 15,1 %, мужская – 84,9 %; преступность несовершеннолетних – 10,9 %, молодых в возрасте от 18 до 29 лет – 45,5 %, взрослая преступность – 43,6 %; преступность рабочих – 20,3 %, служащих – 4,7 %, работников сельского хозяйства – 0,6 %, учащихся и студентов – 8,3 %, лиц без постоянного источника доходов – 59,6 %, безработных – 6,2 %¹⁰⁰), или по иному основанию.

Доля каждого структурного элемента преступности исчисляется в процентах и обычно называется *удельным весом* (так, в наших примерах удельный вес краж составил 43,5 %, удельный вес женской преступности – 15,1 %).

- *Динамика преступности* – изменение вышеуказанных показателей (объем, уровень, структура) во времени. Например, динамика уровня преступности (на 100 тыс. человек населения) в России с 1994 по 2006 г.: 1994 г. – 1778,9; 1995 г. – 1862,7; 1996 г. – 1778,4; 1997 г. – 1629,3; 1998 г. – 1759,5; 1999 г. – 2051,4; 2000 г. – 2028,3; 2001 г. – 2039,2; 2002 г. – 1754,9; 2003 г. – 1926,2; 2004 г. – 2007,2; 2005 г. – 2477,6; 2006 г. – 2700,7.

⁹⁹ Преступность и правонарушения (2002–2006). Статистический сборник. М., 2007. С. 11.

¹⁰⁰ Там же. С. 20.

• *Иные* показатели. Помимо четырех вышеназванных основных показателей в криминологии применяются многочисленные другие количественные характеристики преступности, отдельных видов преступлений, лиц, совершивших преступления: индекс *судимости* (число лиц, осужденных к уголовным наказаниям по вступившим в законную силу приговорам, на определенной территории за определенный промежуток времени в расчете на 100 тыс. жителей); индекс *латентности* преступности (отношение незарегистрированного объема преступности к зарегистрированной ее части); коэффициент *криминальной активности* (отношение определенной социально-демографической группы населения в числе лиц, совершивших преступления, к доле этой же группы в населении); уровень *раскрываемости* преступлений (отношение раскрытых преступлений к зарегистрированным); уровень *виктимности* (отношение доли определенной социально-демографической группы населения в числе жертв преступлений к доле этой группы в населении) и другие, а также интегративные показатели, учитывающие одновременно количество преступлений, их тяжесть и другие характеристики.¹⁰¹ Некоторые из этих показателей подробнее рассматриваются в соответствующих разделах настоящей книги.

• Наконец, еще одно понятие, характеризующее преступность. Это – ее *состояние*. Обычно под состоянием преступности понимается ее обобщенная характеристика, включающая объем, уровень, структуру, динамику, латентность, причиненный ущерб и т. п., т. е. общая характеристика криминальной *ситуации* на определенной территории в определенное время; место и значение преступности в ряду социальных проблем. Однако в отечественной криминологической литературе прошлых лет под состоянием преступности нередко понималось то, что сегодня чаще называется объемом.

§ 3. Латентная преступность

Выше упоминалось, что под латентной преступностью (англ. «dark number», нем. «dunkel Ziffer» – «темное число») понимается ее незарегистрированная часть. Рассмотрим эту проблему подробнее.

В связи с распространенной избыточностью уголовно-правового закона (криминализация деяний, не представляющих серьезной общественной опасности, «преступлений без жертв»), а также с учетом реальных возможностей полиции и уголовной юстиции подавляющее большинство деяний, формально подпадающих под действие уголовного закона, остаются неучтенными, незарегистрированными. Более того, известно, что из числа зарегистрированных раскрывается не более половины, из которых доходят до суда еще меньше, а осуждается меньшее число лиц, нежели предстает перед судом. Это – так называемая «воронка» уголовной юстиции, которая не может «переварить» даже все зарегистрированные преступления (так, например, в 2006 г. в России было рассмотрено 10 461 647 заявлений о совершенных преступлениях, зарегистрировано 3 855 373 преступления, выявлено лиц, совершивших преступления, – 1 360 860, осужден по приговорам, вступившим в законную силу, – 909 921 человек).

Различают несколько видов латентности преступлений, из них основные:

• *Естественная* латентность: органам, регистрирующим преступления, неизвестно о них.

Чаще всего это бывает потому, что потерпевшие от преступлений не сообщают о них. Так, по результатам нашего опроса населения Санкт-Петербурга, в 2000 г. не обратились в милицию свыше 73 % жертв преступлений. Причины отказа от обращения: «милиция ничего не стала бы делать» и «бессилие милиции» – свыше 52 % (от числа не обратившихся), отсутствие или незначительность ущерба – 32 %, отсутствие доказательств и неизвестность подо-

¹⁰¹ Подробнее см.: Забрянский Г. И. Криминологические проблемы села. Ростов н/Д, 1990. С. 58–74; Коган В. М. Социальные свойства преступности. М., 1977. С. 37–44; Криминология: Учебное пособие. М., 1997. С. 23–26, 47–99; Максимов С. В. Краткий криминологический словарь. М., 1995.

зреваемого – 31 %, иные причины – свыше 34 % (сумма ответов свыше 100 %, поскольку опрашиваемые могли назвать несколько причин). Нередко потерпевшие не знают о том, что они стали жертвами преступления (при экологических преступлениях, в результате фальсификации продуктов питания и др.).

- *Искусственная латентность*: правоохранительным органам стало известно о факте преступления, но они его не регистрируют.

Искусственная латентность приобретает массовый характер в тоталитарных и авторитарных государствах. Причины – стремление скрыть от населения истинные масштабы преступности, борьба за «честь мундира», желание «выслужиться» (чем «меньше» преступлений, тем «лучше» работает полиция, милиция), а то и выполнение прямого приказа «сверху». Так, очень высокая искусственная латентность была в СССР до 1983 г. В 1983 г. одним из поводов для снятия Н. Щелокова с поста министра внутренних дел послужили «вскрытые» Генеральной прокуратурой (как будто об этом раньше не было известно!) массовые случаи сокрытия преступлений от регистрации. Навели «порядок», снимали с постов ряд ответственных работников МВД, преступность в 1983 г. «выросла» в результате регистрации ранее сокрытых преступлений на 21,8 % по сравнению с 1982 г. (это – огромный прирост преступности, до 1983 г. максимальный годовой прирост в 1966 г. составил 18,1 %, средние же колебания преступности были ± 5 %). С начала 90-х гг. по 1994 г. искусственная латентность в России находилась на «приемлемом» уровне. Затем вновь начался ее рост. Об этом свидетельствует несколько обстоятельств.

Во-первых, уровень раскрываемости преступлений. Средний для европейских стран уровень раскрываемости – 40–46 % (1988 г.: во Франции – 40,3 %, в Великобритании – 32,0, в ФРГ – 45,8 %). Уровень раскрываемости в СССР составлял свыше 90–95 % (1980 г. – 95,4 %, 1982 г. – 95,9, 1984 г. – 90,2 %) – заведомо нереальные, «липовые» показатели. Впервые правдоподобный показатель 46,9 % достигнут в России в 1992 г., что свидетельствовало об относительно достоверной регистрации преступлений. «Рост» раскрываемости, начавшийся в 1993 г. (50,6 %), до 75,6 % в 2000 г. мог быть достигнут только за счет массового сокрытия от регистрации «глухарей», «неочевидных», заведомо неперспективных для раскрытия преступлений.

Во-вторых, как показывают результаты виктимологических исследований в Санкт-Петербурге, при «сокращении» статистических показателей преступности в 1994–1997 гг., количество жертв преступлений в городе не сокращается, а возрастает (в 1991 г. – 12 % опрошенных, в 1994 г. – 26, в 1999 г. – 27 %).

В-третьих, по мировым данным, умышленные убийства как преступления с относительно низкой латентностью и относительно стабильной динамикой, служат важнейшим индикатором криминальной ситуации, репрезентируя (представляя) состояние преступности в целом. Например, удельный вес (доля в %) умышленных убийств в структуре преступности в течение многих лет составлял: в Дании, Норвегии, Швеции – 0,01–0,03 %, в Канаде, Финляндии, Франции, ФРГ – 0,06–0,07 %, в Венгрии, Италии, США, Японии – 0,12–0,23 % и т. д. В России в течение 1985–1992 гг. умышленные убийства составляли 0,70–0,85 % и лишь в 1993 г. этот показатель вырос до 1,04 %, а в 1994 г. до 1,2 %, т. е. в 1,6 раза (в последующие годы удельный вес убийств также выше или около 1 %). Отмеченные «отклонения» могут быть объяснены значительным увеличением латентной массы преступлений.¹⁰²

- *Пограничная латентность* – следствие юридической ошибки, заблуждения. Правоохранительным органам известно о событии, но оно ошибочно воспринимается как непроступное. Например, в результате ошибочного заключения пожарной инспекции факт пожара расцени-

¹⁰² Подробнее см.: Гаврилов Б. Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право. 2001. № 1. С. 47–62; Лунеев В. В. (2005) Указ. соч. С. 280–293.

вается как самовозгорание, а в действительности имел место поджог. Или хорошо замаскированное убийство воспринимается как самоубийство или несчастный случай.

Латентность существует во всех странах, но ее масштабы и соотношение видов существенно зависят от профессионализма и добросовестности работы полиции, а также от уголовной политики государства.

Существует много способов и методик определения уровня латентности различных видов преступности.¹⁰³ Выше уже назывались виктимологические опросы и «самоотчеты». Нередко используется метод *экспертных оценок*, когда специалисты в той или иной области на основе профессиональных знаний отвечают на вопрос о предполагаемом уровне латентности определенного вида преступлений. В результате одного из подобных исследований были установлены следующие коэффициенты латентности по некоторым составам преступлений в 2002 г.: убийство – 1,17; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 1,18; истязание – 2,45; изнасилование – 4,08; кража – 4,21; грабеж – 1,52; разбой – 1,36; контрабанда – 2,99; хулиганство – 3,81; бандитизм – 3,45; вовлечение в занятие проституцией – 17,82; получение взятки – 10,13; незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей – 107,06; принуждение к даче показаний – 70,73.¹⁰⁴ При этом, с нашей точки зрения, это *минимальные* показатели латентности. По нашему мнению, убийств совершается как минимум в 2–3, а по мнению В. В. Лунеева – в 4 раза больше, нежели регистрируется.

Возможно уточнение латентной преступности в результате специальных экономических, бухгалтерских, технологических исследований. Скажем, изучая расход электроэнергии, сырья, промышленных вод на предприятии и сравнивая эти данные с выпущенной продукцией, можно определить размер хищений готовой продукции.

Проблема латентной преступности тесно связана с задачей определения реального состояния преступности в стране, регионе.

¹⁰³ Подробнее см.: *Горяинов К. К.* Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994; *Шнайдер Г. Й.* Криминология. С. 124–146.

¹⁰⁴ Латентная преступность в Российской Федерации за 2001–2002 гг. (статистический сборник). М., 2004.

Глава 3

Состояние преступности в современном мире

*Everybody does it!*¹⁰⁵
T. Gabor

§ 1. Основные мировые тенденции преступности

Начиная обзор состояния преступности и основных тенденций ее изменений, необходимо еще раз напомнить, что мы можем судить только о *зарегистрированной* ее части, а потому любые наши суждения будут носить *относительный*, ориентировочный характер, лишь более или менее приближенный к реальной ситуации. С другой стороны, нельзя совсем пренебречь имеющимися данными уголовной статистики и, по возможности, результатами исследований, ибо они составляют необходимую эмпирическую базу для теоретических рассуждений. Кроме того, даже относительно неполные данные, проанализированные за ряд лет, позволяют определить *тенденции* преступности.

Криминологический анализ мировых и отечественных тенденций преступности достаточно полно отражен в работах В. В. Лунеева – в серии статей и монографии.¹⁰⁶ Поэтому мы можем ограничиться лишь самыми общими сведениями и комментариями.

Как отмечено в монографии Лунеева, основной мировой тенденцией с середины XX столетия является *абсолютный и относительный* (в расчете на 100 тыс. жителей) *рост* регистрируемой преступности. Этот вывод основывается прежде всего на анализе четырех обзоров ООН, обобщенных в виде таблицы, которую мы и воспроизводим (табл. 3.1).

Итак, наблюдается устойчивый рост зарегистрированной преступности при значительно *более высоком уровне преступности в развитых странах* по сравнению с развивающимися. Но что это: реальный рост криминальности населения или же результат повышения активности полиции и большей нетерпимости населения к преступности?

Другая тенденция, отмеченная Луневым, – «гуманизация» преступности: сокращение доли насильственных преступлений в общем ее объеме.

Таблица 3.1

Усредненные и оценочные данные о преступности в мире

¹⁰⁵ Каждый делает это!

¹⁰⁶ Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005.

Номера обзоров и годы	Число стран, приславших ответы	Уровень преступности (на 100 тыс. населения)		
		Развитые страны	Развивающиеся страны	Всего
Первый, 1975	64	4200	800	1600
Второй, 1980	70	5200	1000	3200
Третий, 1985	78	6800	1300	4100
Четвертый, 1990	95	8000		5500
Прогноз, 1995	100	Свыше 8000	Свыше 1500	Свыше 7000

Однако с конца 90-х гг. минувшего столетия наметилась тенденция замедления темпов роста, а то и относительного сокращения уровня преступности в целом и отдельных ее видов во многих регионах.¹⁰⁷

Так, в странах Европы в 2000–2001 гг. снижался уровень общей преступности в Австрии (-7%), Болгарии (-3%), Дании (-6%), Италии (-2%), Литве (-4%), Румынии (-4%), Финляндии (-6%), Чехии (-8%), Швеции (-2%). «Реперными» точками могут служить 1980, 1993, 2000 гг. В эти годы уровень преступности составлял, например: в Дании – 8282, 12 084, 9451; в Германии – 4873, 8337, 7621; в Канаде – 8804, 11 447, 8041. Эта тенденция характерна для большинства развитых стран Европы и Северной Америки.

Вместе с тем в ряде европейских государств уровень общей преступности продолжал расти (Испания, Норвегия, Португалия и др.). В некоторых странах при общем росте преступности резко сократились его темпы (Польша, Япония).

В целом уровень общей преступности (на 100 тыс. населения) во всем мире повысился с 2500 в 1980 г. до 3100 в 2000 г.; в Северной Америке снизился с 8900 в 1991 г. до 6000 в 2000 г.; в странах Европейского союза этот показатель возрастал с 5000 в 1980 г. до 6200 в 1994 г. с последующей стабилизацией, сокращением до 6000 в 1998 г. и вновь небольшим повышением до 6200 к 2000 г.; в странах Латинской Америки и Карибского бассейна уровень преступности волнообразно колебался: 2200 в 1980 г., 2000 в 1984 г., немногим более 3000 в 1989, 1993–1994 гг., снижение до 2800 в 1997 г., возрастание до 3500 в 1998–1999 гг. с небольшим снижением в 2000 г.

Однако уровень общей преступности главным образом зависит от активности полиции и степени латентности. Значительно представительней данные о таких тяжчайших преступлениях, как *убийство*.

В целом уровень убийств в мире и в большинстве регионов относительно стабилен. Так, общемировой показатель в течение 1980–2000 гг. держится примерно между 6–8 убийствами в год на 100 тыс. населения с небольшим возрастанием в 1989 г. и 1992–1994 гг. Самые высокие средние показатели убийств – 23–26 – в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Высокий уровень убийств в странах Африки к югу от Сахары – 17–21 с тенденцией к снижению (максимум – 21 в 1989 г., к 2000 г. – 17). Самые низкие показатели – в арабских государствах

¹⁰⁷ Лунев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005. С. 35–46; Barclay G., Tavares C. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, 2003. Issue 12/03; Shaw M., van Dijk J., Rhomborg W. Determining Trends in Global Crime and Justice: An Overview of Results from the United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice System // Forum on Crime and Society. Vol. 3. № 1–2, 2003. NY, 2004. P. 35–63.

(2–3) и в странах Европейского союза (2–2,5). И лишь «из всех рассматриваемых регионов Восточная Европа и Содружество Независимых Государств имеют показатели, демонстрирующие самые явные тенденции к увеличению на протяжении всего отчетного периода».¹⁰⁸

Более наглядно картина представлена в табл. 3.2.

Другим традиционным для международного сравнения преступлением служит *robbery* – состав, который во многих странах объединяет то, что в России разделено на грабеж и разбойное нападение. Если общемировые показатели грабежей характеризуются плавным возрастанием от 40 (на 100 тыс. населения) в 1980 г. до 65 в 2000 г., то региональные различия весьма существенны. Уровень грабежей стран Европейского союза очень близок к среднемировым показателям (возрастание за те же годы от 30 до 70). В Северной Америке основные точки (минимакс): 175 в 1980 г., 149 в 1985 г., 190 в 1991 г., 125 в 1999 г. и 135 в 2000 г. Авторы обзора делают общий вывод относительно стран Восточной Европы, Латинской Америки и Южной Африки: «Почти во всех случаях переход к демократии сопровождался ростом как числа убийств, так и имущественных преступлений с применением насилия, таких как ограбление».¹⁰⁹

Значительный интерес представляет мировой сравнительный анализ *виктимизации* населения.

Для начала заметим, что по результатам наших исследований 1999–2002 гг. в Санкт-Петербурге доля жертв преступлений среди населения составляла свыше 26 %, в Волгограде в 2000 г. – 18 %, в Боровичах в 2000 г. – 20,5 %.¹¹⁰

Сравнительные международные исследования по 17 странам (2000 г.) показали, что удельный вес жертв среди населения свыше 24 % был в Австралии, Англии с Уэльсом, Нидерландах и Швеции, 20–24 % – в Канаде, Шотландии, Дании, Польше, Бельгии, Франции и США, ниже 20 % – в Финляндии, Каталонии (Испания), Швейцарии, Португалии, Японии и Северной Ирландии.¹¹¹ Это же исследование позволило выделить страны различной степени риска по отдельным видам преступлений. Так, например, наибольший риск стать жертвой грабежей был в Польше (1,8 %), Англии с Уэльсом и в Австралии (по 1,2 %), наименьший – в Японии и Северной Ирландии (0,1 %); наибольший риск нападений – в Австралии, Шотландии, Англии с Уэльсом (свыше 6 %), наименьший – в Японии, Португалии (меньше 1 %). Наибольший риск стать жертвой сексуального насилия у женщин Швеции, Финляндии, Австралии и Англии с Уэльсом, наименьший – у женщин Японии, Северной Ирландии, Польши и Португалии.

Таблица 3.2

Уровень на (100 тыс. населения) смертности от убийств в некоторых государствах (1984–2001)

¹⁰⁸ Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W. Op. cit. P. 48.

¹⁰⁹ Ibid. P. 51.

¹¹⁰ Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб., 2002.

¹¹¹ Bondeson U. (Ed.) Crime and Justice in Scandinavia. Copenhagen, 2005. P. 146.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.